К. Розенталь.

Об одной умной теории и неумном критике [1]).

(По поводу статьи тов. Борилина „Ленин и проблема империализма“ [2]).

Проблема империализма в настоящих условиях имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. И поэтому совершенно понятно, что разработке этой проблемы марксистская политическая экономия уделяла и уделяет особенное внимание.

Однако, исследование империализма представляет, по сравнению с исследованием «чистого» капитализма, особые специфические трудности, в силу своеобразия самой исследуемой эпохи. Законы «чистого» капитализма подвергаются здесь существенным изменениям «некоторые, основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». «Свободный рынок все более отходит в область прошлого...». Производится «приблизительный учет всем источникам сырых материалов», которые и «захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, которые и «делят» между собой по договорному соглашению эти союзы». Монополизируются обученные рабочие силы; захватываются пути и средства сообщения»... «Производство становится общественным», хотя «присвоение остается частным»; «распределение этих (готовых. *К. Р.*) продуктов совершается по одному плану...»; происходит «смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями» [3]). Национально ограниченные монополистические союзы капиталистов переходят к образованию международных картелей. Короче говоря, здесь «прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» [4]) (Энгельс).

С другой стороны, рост монополий не только не устранил конкуренции, но «существует над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий». Быстрый рост техники промышленности и не поспевающий за ней рост техники в сельском хозяйстве, «противоречия... между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой» [1]), наконец, обостреннейшая борьба между отдельными национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьба за распределение прибыли в н у т р и однородных международных монополистических союзов и за распределение прибыли м е ж д у разнородными монополистическими союзами, приводит к крупнейшим и обостреннейшим конфликтам не только экономическим, но и военным, и «те противоречия, которые были заложены в самом существе капитализма и в начале его развития находились лишь в эмбриональном состоянии..., в империалистическую эпоху достигают кричащих размеров» [2]).

Правильная и теоретически осмысленная постановка проблемы империализма возможна только в том случае, если оба эти момента (превращение капитализма в свою собственную противоположность—переход от конкуренции к монополии, от анархии к известной «планомерности» к а к т е н д е н ц и и, с одной стороны, обострение экономических противоречий—с другой) будут приняты в одинаковой мере при анализе этого «новейшего этапа капитализма». Взятые каждый из этих моментов порознь, не сумеют дать действительной характеристики империализма, и если первый неизбежно приведет к вульгарной апологетике, то второй, взятый изолированно от специфических условий, свойственных империализму, не может дать ничего, кроме общих мест и плоских, бессодержательных, ничего не об'ясняющих истин.

В опубликованном в № 5—6 «Большевика» отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину», т.-е. лишает познание какой бы то ни было действительной познавательной ценности.

В отношении исследования империализма пример такого «одностороннего превращения» познания из кривой линии в прямую дает тов. Борилин. И совершенно естественно, конечно, что превращение «кусочка» (хотя и существеннейшего и важнейшего) в прямую линию привело его к глубоко-ошибочным взглядам и определениям империализма, в корне отличным от ленинских.

Начав с упрека, что хотя некоторые из экономистов-коммунистов и знают, «что по Ленину империализм есть монополистический капитализм», тем не менее, «не знают теоретического понимания монополии, даваемого Лениным и служащего источником всех остальных теоретических положений об империализме» [3]), тов. Борилин своей статьей, как бы публично и демонстрирует это непонимание.

---

[1]) От редакции: Тов. Борилин в своей статье утверждает, будто теория «государственно-капиталистических трестов» т. Бухарина есть нечто в высшей степени антиленинское. Здесь весьма нелишне—и для выяснения истины и для курьёза одновременно отметить вот что. Тов Борилин, повидимому, не знает что впервые этот термин «государственно капиталистический трест» и соответствующая теория были введены в литературный оборот в статье т. Бухарина, появившейся в нелегальном журнале большевиков «Коммунист». Статья эта («Мировое хозяйство и империализм») прошла редакцию Ленина, целиком эту статью одобрившего. Более того, в рукописи статьи тов. Бухарина был термин «общественно-капиталистические тресты», который по предложению Ленина, был заменен термином «государственно капиталистические тресты»

Таким образом, Ленин, по тов. Борилину, имеет самый явный антиленинский уклон. Удивляемся только, как редакция «Под Знаменем Марксизма» обнаруживает такое отсутствие марксистского чутья, что сделала себя ответственной за явно несообразные утверждения «критика».

[2]) «Под Знаменем Марксизма», № 5—6, 1925 г.

[3]) Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма».

[4]) Цит. по статье тов. Борилина, стр. 111.

[1]) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д.

[2]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм». «Прибой», 1923 г., стр. 110.

[3]) Борилин, стр. 113.

Исходя из слов Ленина, направленных против Каутского, что теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма; противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими операциями финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке; между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью—с другой и т. д.»[1]),—тов. Борилин берет этот «отрывок» кривой познания империализма и сводит его к прямой своего, борилинского познания и определения существа империализма. Тов. Борилин так прямо и пишет: «По Ленину империализм есть глубокая внутренняя, безысходная борьба, порождающая неисчислимое количество других противоречий между монополией и свободной конкуренцией». Утверждение, что это определение империализма принадлежит Ленину, мы оставляем на совести тов. Борилина, но здесь нас интересуют те теоретические «пути и дороженьки», которые привели тов. Борилина к такому, мягко выражаясь, одностороннему пониманию империализма.

Тов. Борилин борется против «государственно-капиталистических трестов», а так как «государственно капиталистические тресты» есть не что иное, как тенденция дальнейшего развития монополий, то тов. Борилин, взявшийся за авторитетное раз'яснение «теоретического понимания монополий, даваемого Лениным», решил эти самые монополии вообще игнорировать и из своего анализа проблемы империализма исключить. «Увлеченный» одной стороной империализма—противоречиями между монополиями и свободной конкуренцией, между картелированной и некартелированной промышленностью—тов. Борилин проглядел такой «пустячок», как гигантский рост монополистических союзов, как борьбу между одной картелированной промышленностью и другой за распределение прибыли, борьбу между национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьбу, которая ведется то экономическими, то военными средствами одного «государственно-капиталистического треста» с другим, когда «борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм про..в другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого»[2]).

У Ленина этот момент, момент противоречий между монополистическими союзами капиталистов за раздел и передел мира, ожесточенной между ними борьбы за рынки сырья и сбыта составляет основное и важнейшее место в его характеристике империализма, а т. Борилин умудрился этой стороне имеющегося материала уделить из двадцати девяти страниц текста убористого шрифта... пять строк! И эти несколько строк приведены в качестве основного «материала» против... «теории государственно капиталистического треста», как будто эта теория утверждает отсутствие конкуренции и борьбу внутри и между отдельными «государственно-капиталистическими трестами»! «Ошибочное (в теории «государственно-капиталистических трестов». *К. Р.*) определяется тем,—пишет т. Борилин,—что в жизни рядом с монополиями продолжает существовать свободная конкуренция, что монополистические группы продолжают вести, ведут между собой ожесточенную борьбу на рынке, что наряду с «общностью» интересов монополистических групп внутри государства, между ними есть глубокие противоречия интересов...» (стр. 122).

В капиталистическом обществе идет борьба не только одного монополистического союза с другим, не только одного империализма с другим, но и борьба монополии с свободной конкуренцией. Но эта борьба неизменно ведет к торжеству монополий, к вытеснению свободной конкуренции и вместе с тем к еще более ожесточенной борьбе монополистических союзов между собой.

И если мы подобно тов. Борилину, проглядим эту вторую сторону империализма—борьбу между собой монополистических союзов, то мы не сумеем понять и новых форм «конкуренции», когда политика «дешевых цен» сменяется высокими ценами на внутреннем рынке для облегчения конкурентной борьбы на мировом рынке, когда случаи «понижения цен» служат не условием существования картеля, а стремлением окончательного удушения «диких», т.-е. тех, кто не хочет подчиняться монополии, воле трестовых дельцов. «Перед нами,—пишет Ленин,—уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[1]).

Таким образом, вытеснение конкуренции монополией идет все ускоряющимся темпом.

Победа монополий на внутреннем рынке, его (рынка) полное подчинение воле монополий настолько очевидны, что едва ли требуют новых доказательств.

Одним из проявлений этой победы монополий и является паразитизм и загнивание капитализма. Победа монополистического начала и есть начало конца капитализма, потому что как раз здесь, между прочим, и проявляется тот конфликт между ростом производительных сил и производственных отношений, который в конечном счете должен взорвать всю капиталистическую систему.

Тов. Борилин, конечно, отнюдь не хочет возражать против роста монополий, против роста их значения в системе капиталистического хозяйства, он возражает только против «государственно-капиталистических трестов». Монополия-де одно, а «государственно-капиталистический трест»—это уже совсем, совсем другое, не имеющее ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом.

Но «государственно-капиталистический трест»—это в пределе органически сросшаяся военно-политическая и хозяйственная организация буржуазии. Чем дальше, тем все более непосредственно зависима становится военно-политическая организация—государство—от союзов капиталистов. И смены правительств, их деятельность, решается в кабинетах финансовых магнатов, дик-

[1]) Н. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма». стр. 114.
[2]) Там же, стр. 111.

[1]) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 17.

тующих свою волю правительствам, всему капиталистическому миру.

Чрезвычайно интересно отметить, как в тяжелые для капитализма «минуты» капитализм вплотную подходит к осуществлению идеи «государственно-капиталистического треста». Организованный 5 августа 1914 года исключительно по инициативе германской частной промышленности, «военный комитет германской промышленности ставил себе в области хозяйственной мобилизации следующие задачи:

Планомерное сотрудничество всех существующих промышленных организаций для полного привлечения и целесообразного использования всех национальных хозяйственных сил не только для целей военной обороны страны, но и для обеспечения на время войны внутренних потребностей.

Обеспечить систематическое распределение и предоставление рабочих и служащих как промышленности, так и сельскому хозяйству.

Поддержка и предоставление заказов пострадавшим от войны отраслям промышленности теми отраслями, которые заняты выше обычного; содействие передаче заказов на отдельные части производства и т. п.

Организовать возможно быстрое размещение государственных заказов (ведомств военного, почтового, железнодорожного и т. п.).

Постоянное информирование промышленности о выпущенных во время войны законах, распоряжениях и об'явлениях властей и участие в обсуждении вопросов управления и правил, вытекающих из условий военного времени»[1]).

Организованные по предложению Ратенау при военном министерстве, в виду необходимости наиболее рационального использования имеющегося в наличии сырья—военно-сырьевые комитеты, первоначально только предполагавшиеся как самоуправляющиеся организации, были в скором же времени лишены этого права.

«Были введены комиссары военного министерства, которые имели право «вето» по всем решениям находящихся под их наблюдением обществ. Военно-сырьевые комитеты из чисто самоуправляющихся организаций все более превращались в облеченные в частно-правовую форму органы государственного управления сырьем».

К участию в военном комитете был привлечен и сельскохозяйственный совет, «имевший задачу осуществлять посредничество между потребностями сельского хозяйства и военно-промышленным комитетом или об'единениями отдельных отраслей промышленности и сообщать заинтересованным сторонам все необходимые сведения».

Наконец, «военный комитет образовал при себе ряд организаций, в частности по вопросам права, транспорта и внешней торговли».

Самое любопытное здесь, пожалуй, что имелась попытка существующее положение распространить не только на военное время, но и на мирное время.

[1]) Arthur Dix, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg».

Дикс пишет:

«Совместная деятельность руководящих организаций немецкой промышленности в военном комитете пошла на пользу в деле постоянного об'единения промышленности. Уже в конце декабря 1914 года в статье об учреждении и задачах военного комитета я писал относительно этого об'единения немецкой промышленности: «естественно возникает мысль, что это положение должно быть сохранено и после войны, что в дальнейшем, в мирное время, наряду с сельскохозяйственным советом, с'ездами торговли и ремесленных палат, должен существовать в качестве органа, представляющего всю немецкую промышленность, немецкий промышленный совет».

И «действительно в дальнейшем, 25 октября 1916 года, в совместном заседании центрального об'единения немецких промышленников и союза промышленников состоялось образование такого промышленного совета».

В области внешней торговли осуществлялось положение, в основном напоминающее нашу монополию внешней торговли. Включенное в ведомство войны, этого высшего органа «для об'единения всех военно-хозяйственных организаций», отделение по ввозу и вывозу имело задачей:

«обеспечить военно-хозяйственные интересы Германии, т.-е. не только воспрепятствовать вывозу мало-мальски важных военных материалов, но и использовать последние возможности получить их из-за границы. Несмотря на общий недостаток сил и на то, что весь уголь был нужен для собственной военной промышленности, приходилось в интересах этой последней вывозить некоторое количество каменного угля в соседние нейтральные страны, чтобы получить благодаря этому необходимейшее сырье, а также, чтобы помешать тому, чтобы экономическое давление на них наших противников не повело к более тяжким результатам».

Здесь, на примере военного хозяйства Германии тов. Борилин может воочию убедиться, как вопрос о «государственно-капиталистическом тресте» властно становится в порядок дня, пытаясь сдержать и задержать начинающийся крах всей капиталистической системы в целом.

Так как, по заявлению самого т. Борилина, теория «государственно-капиталистического треста» «наиболее полно выражена у тов. Бухарина», то мы и позволим себе сослаться на работы т. Бухарина, чтобы показать насколько «добросовестен» тов. Борилин в своем утверждении, что т. Бухарин за деревьями не видит леса, за «государственно- капиталистическим трестом»—борьбы и роста экономических противоречий.

Но прежде всего остановимся на самом понятии «государственно-капиталистического треста». Возражая Розе Люксембург, тов. Бухарин характеризует «государственно-капиталистический трест» следующим образом: «Представим себе... коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое с точки зрения классов хозяйство...», где «дан как спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другой, так и потребительский спрос и со стороны капиталистов и рабо-

чих», где нет «анархии производства», а есть рациональный с точки зрения капитала план» [1]), где важнейшим противоречием является противоречие между общественным производством и частным присвоением.

Что же такого рода «государственно-капиталистический трест» есть реальность, эмпирически данное общество? Конечно, нет. И тов. Бухарин, вероятно, в предвидении того, что найдутся такие критики, которые поймут «государственно-капиталистический трест», как эмпирически данное общество, специально оговаривает, что: «грамотный читатель все время помнит, что у нас абстрактные «идеальные» типы общественных структур, а не эмпирически данные общества». Но тов. Борилин даже с этой оговоркой не хочет «принять» «государственно-капиталистический трест». «Для чего нужен в экономической науке такой «идеальный» тип «организованного, но антагонистического общества?»—негодующе восклицает наш «критик от струвизма». «Какую познавательную ценность он имеет для нас? Подобная «абстракция» имела бы смысл только в том случае, если бы она соответствовала основной тенденции в современном капиталистическом обществе». И тов. Борилин возмущенно спрашивает, как будто не замечая приведенной выше оговорки т. Бухарина: «Где в мире существует «государственный капитализм», подобный «государственному капитализму тов. Бухарина?» «В каком «государственно-капиталистическом» обществе заранее дан спрос производственный и спрос потребительский?» «Подобного «государственно-капиталистического» строя нигде, ни в одной стране не существовало». Вот здесь то и сказалось то неприятное обстоятельство, что тов. Борилин, как чорт ладана, боится монополий с их тенденцией превратить капитализм в свою собственную противоположность, когда прекращается и «частное производство» и «отсутствие планомерности».

Есть такая тенденция в капиталистическом обществе или нет? Учет и захват рынков сырья, распределение готовых продуктов по плану, как об этом говорит Ленин, есть проявление этой тенденции или нет? Можем мы игнорировать, обходить в своем исследовании империализма эту тенденцию? Конечно, нет, потому что тогда мы не поймем своеобразия этой эпохи, потому что тогда определение империализма сведется к ряду ничего не говорящих и ничего не об'ясняющих фраз, вроде того, что «мировая анархия капитализма (империализма. *К. Р.*) есть не что иное, как сгущенная, концентрированная анархия глубоких основ капитализма» [2]).

То-есть капитализму свойственна анархия «вообще», так себе «слабенькая», «разведенная», а империализму «сгущенная», «концентрированная». Об'ясняет это что-нибудь в своеобразии «новейшего этапа капитализма»? Ровным счетом ничего. Отрицать наличие в капитализме тенденции к превращению в «собственную противоположенность», к установлению известной «планомерности»—значит воевать не только против «государственно-капиталистических трестов», но и против и Ленина и Энгельса, против здравого смысла, потому что именно это соединение противоречащих друг другу «начал»—конкуренции и монополии—и существенно для империализма». У Ленина оба эти «начала» нашли свое отражение в его теории империализма, а у тов. Борилина одно из них выпало совсем.

[1]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 83.
[2]) Борилин, стр. 125.

И гвоздь вопроса о «государственно-капиталистическом тресте» заключается не в наличии совершенно очевидной тенденции (превращения анархического общества в плановое), потому что «рассуждая абстрактно и теоретически, такой трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картелирования» [1]), а в том, может ли найти и найдет ли эта тенденция свое завершение в рамках капиталистического общества или нет.

У тов. Борилина возникает вопрос: нужна ли вообще такого рода абстракция или нет; имеет ли какую-либо познавательную ценность абстракция, не отображающая конкретной, реальной действительности? Но едва ли кто-либо из марксистов согласится с такой постановкой вопроса. Ведь если стать на точку зрения т. Борилина, то можно было бы сказать: какую познавательную ценность имеет теория, утверждающая возможность существования капитализма без внешних рынков? Где в мире существует такое капиталистическое государство, которое бы не ввозило и не вывозило товара? В каком капиталистическом обществе существуют только капиталисты и рабочие? Подобного капитализма ни в одной стране никогда не существовало. И тов. Борилин преспокойно выбросил бы в мусорную корзину «Капитал», как не имеющий, с его точки зрения, никакой познавательной ценности. В самом деле, какое значение имеет тенденция капиталистического общества превратиться, так сказать, в пределе в «чистый» капитализм, если все капиталистическое общество взлетит на воздух значительно раньше, чем хотя бы в одной стране реальный капитализм приблизится к «чистому».

Признать познавательную ценность только за теми абстракциями, которые отображают реальную действительность—это значит совершенно не понимать ни смысла, ни значения абстракции, лишить нашу деятельность, нашу мыслительную способность активности свести ее к чистому созерцанию, пассивному отображению реально протекающих процессов, без всякой надежды изменить их.

Любопытно сопоставить в этом вопросе мнение тов. Борилина, говорящего от имени Ленина, с тем, что говорит сам Ленин. В письме к Потресову («Большевик» № 16 за 1925 г.) Ленин пишет: «Я не могу согласиться с вами, что «центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мыслимого положения» и главное мое возражение П. Б. Струве состоит именно в том, что он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы. «Конкретно невозможна» не только представленная Марксом реализация, но и представление им средняя прибыль и равенство заработной платы, стоимости рабочей силы и многое другое. Но невозможность осуществления в чистом виде вовсе не есть возражение» (курсив наш. *К. Р.*).

Если здесь и напрашиваются кое-какие аналогии, то отнюдь не лестные для тов. Борилина!

[1]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 85.

Нам было бы чрезвычайно интересно знать, к какого рода абстракциям свел бы тов. Борилин указания Владимира Ильича об «идеально возможных соотношениях и взаимозависимости» буржуазной и крестьянской революции. Мы не можем отказать в удовольствии тов. Борилину, чтобы не привести примера удивительнейшей и своеобразнейшей абстракции, допускаемой т. Лениным в этом отрывке.

«Всякая крестьянская революция,—пишет Ленин,—направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру, скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства, и возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением, и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию.

Следовательно, общее марксистское понятие «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле об'ективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна» [1]).

Революция, произведенная земледельцами при помощи наемных рабочих за уничтожение частной собственности! Куда отнесете, тов. Борилин, подобного рода абстракции? К тем, которые не имеют познавательной ценности?

И если бы тов. Борилину не изменило мужество, то он должен был бы сказать прямо и откровенно: «Несогласен с Лениным», а не прикрываться трусливо Лениным, выступая против Ленина.

Тов. Борилин, очевидно, не понимает, что теория есть такой «ключ» к познанию действительности, которым нужно уметь оперировать», что «абстрактные положения теории помогают подойти к самым конкретным проблемам, если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от их непосредственной эмпирической действительности ведет ряд логических ступеней, перескочить через которые ни в коем случае нельзя» [2]).

[1]) Н. Ленин, Собрание сочинений, т. IX, стр. 538.
[2]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 100—101.

«Основная тенденция капитализма,—пишет тов. Борилин,—это все большее обострение экономических противоречий».

В такой общей формулировке это, конечно, в такой же мере верно, как и бессодержательно, потому что игнорируется, что сам процесс обострения экономических противоречий целиком связан с процессом картелирования, ростом монополистических союзов капиталистов.

Вот что пишет тов. Бухарин: «Конкретный процесс экономического развития пойдет через обостренную борьбу государственно-капиталистических трестов и отсталых экономических образований», борьбу «государственно-капиталистических трестов» между собой. И «абстрактная экономическая возможность отнюдь не означает ее реальной вероятности» [1]). «Но, может быть, эпоха «ультра-империализма» есть все же реальная возможность, которая совершается путем централизованного процесса? Шаг за шагом будут поедать государственно-капиталистические тресты друг друга, пока победно не воцарится держава, победившая всех. Эта возможность была бы для нас мыслима, если бы мы механизировали весь общественный процесс и сносили бы со счета силы, враждебные политике империализма» [2]). И то обстоятельство, что «мировой капитализм будет итти по направлению к всеобщему государственно-капиталистическому тресту», еще не говорит за то, что это превращение капитализма в свою собственную противоположность совершится в его же собственных рамках.

Гарантирует ли картель, международный монополистический союз отсутствие борьбы и противоречий не только между ними и другими монополистическими союзами, но и внутри самих себя? «Всякий, знакомый с историей борьбы картелей даже в рамках одной страны, знает, как часто при изменившейся ситуации, скажем, изменившейся экономической кон'юнктуре, ряд соглашений лопался, как мыльный пузырь» [3]). Еще более сложно обстоит дело с международными монополистическими союзами. «Условием для образования более или менее прочного соглашения является приблизительное равенство позиций на мировом рынке», равенство не только чисто экономическое, но и экономически-политическое. И «при учете условий борьбы на мировом рынке государственно-капиталистические тресты считаются не только с чисто экономическими, но и с экономически-политическими условиями этой борьбы. Поэтому, даже если имеются приблизительно одинаковые хозяйственные структуры, но значительное различие военных сил государственно-капиталистических трестов, то более сильному из них выгодно продолжать борьбу, чем итти на соглашение или фузию» [4]). Если же эти соображения о равенстве рассматривать «не только статически, но, главным образом, динамически», то будет совершенно понятно, что наличие монополий отнюдь не избавляет от величайших потрясений в случае изменения сил договаривающихся капиталистических групп. Не говоря уже о том, что этому процессу интернационализации государственно-капиталистического треста «противостоит другая еще

[1]) Н. Бухарин, „Мировое хозяйство и империализм", стр. 86.
[2]) Там же, стр. 91.
[3]) Там же, стр. 90.
[4]) Там же, стр. 86—87.

более сильная тенденция к национализации капитала и замыканию в государственные границы»[1]).

Таким образом, раздел мира между монополистическими союзами отнюдь не гарантирует от борьбы за передел при изменении сил борющихся и договаривающихся сторон. Это же говорит и Ленин: «Раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает передела, если отношение силы вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. изменяется»[2]). Невозможно допустить, «при условии сохранения капитализма, чтобы такие союзы были не кратковременны»[3]). «Наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а, следовательно, и обостренной борьбы за раздел и передел мира»[4]) (курсив наш. *К. Р.*). «Его (Каутского. *К. Р.*) концепция предполагает затушевывание гигантских противоречий, которые раздирают современное общество, и постольку является концепцией реформистской... Для последовательного марксиста все капиталистическое развитие есть не что иное, как процесс постоянного расширенного воспроизводства противоречий капитализма». «Свое действительное разрешение эти противоречия находят уже в иной производственной структуре общественного организма: в общественной, планомерной, социалистической организации хозяйства»[5]). Границей же служит «определенная степень напряженности капиталистических противоречий»[6]).

Рост организованности в национально-капиталистических рамках приводит к расширению этих противоречий в международном масштабе. И здесь борьба принимает новые формы, отличные от форм борьбы внутри национально-капиталистических государств, от форм борьбы «молодого» капитализма. И конкурентная борьба в эпоху империализма отличается от форм борьбы раннего капитализма. «Перед нами,—пишет Ленин,—уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически новых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[7]). «Отношения господства и связанного с ним насилия—вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма».

Таким образом, к отсутствию планомерности, к кризисам приводит как раз сама тенденция к планомерности. И если, с одной стороны привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», то, с другой стороны, в связи с тем, что «чем выше развитие капитализма, тем сильнее чувствуется недостаток сырья... тем отчаяннее борьба за приобретение колоний», раздел мира между монополистическими союзами приводит к переходу «от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической

[1]) Там же, стр. 88.
[2]) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 64.
[3]) Там же, стр. 115.
[4]) Там же, стр. 120.
[5]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 91.
[6]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 129.
[7]) Н. Ленин, стр. 17.

державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»[1]) (курсив наш. *К. Р.*).

И если мы отбросим, обойдем эту последнюю сторону империализма (борьбу одного монополистического союза с другим), то мы придем как раз к тем поверхностным, односторонним и потому глубоко ошибочным определениям империализма, которые дает т. Борилин. «Империализм,—пишет он в одном месте,—это монополистическое господство групп капиталистов над огромными колониальными и полуколониальными областями», а в другом—«господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств над миллионами колониальных рабов». Таким образом получилось курьезнейшее зрелище: выступая против теории «государственно-капиталистических трестов», тов. Борилин в определении империализма скатился к его каутскиански-розитским определениям. И здесь к тов. Борилину целиком и полностью приложимы слова т. Бухарина, направленные против Розы Люксембург: «Из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «вопиет к небу», и с этой точки зрения занятие Рура французами не есть империализм, поскольку «господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств» осуществлялось не «над миллионами колониальных рабов», а над высокоразвитым капиталистическим образованием, — господство одного империализма над другим.

И совершенно понятно, что безысходно запутавшись в характеристике империализма, тов. Борилин оказывается вынужденным противоречить самому себе и отказываться на одной странице от того, что признал несколькими страницами ранее. Так, например, на стр. 113 он пишет: «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп. Монополия капиталистических союзов распространяется через границы государств и морские (!) океаны» (это, вероятно, в отличие от океанов речных и т. п.), а на стр. 123 он, позабыв, что писал десятью страницами раньше, ломается над тов. Бухариным: если бы де «перспектива, которую имеет в виду и сам т. Бухарин, «была бы» вероятна, то «капиталистический строй имел бы много шансов выпрямиться» и «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего (после мировой войны. *К. Р.*) развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор». Что же тов. Борилин иронизирует, потому что не согласен с этим? Но ведь он сам выражал свое согласие, правда, не на 123, а на 113 странице, с тем, что «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп!»

Тов. Борилин безусловно прав, когда решительно возражает против представления, что «социализм приходит внезапно, неизвестно откуда, словно «Венера из головы Юпитера». Хотя до сих пор, как известно, считалось, что из головы Юпитера родилась не Венера, а Минерва. Но зато рождение теории империализма т. Борилина можно уподобить именно рождению «Венеры из головы Юпитера».

[1]) Н. Ленин, стр. 84.